

Кубасов Александр Леонидович

**МАРТЫН ЯНОВИЧ ЛАЦИС КАК ИСТОРИК ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ
ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ**

Целью статьи является рассмотрение взглядов одного из руководящих сотрудников Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР М. Я. Лациса. На основе анализа его работ, опубликованных в 1918-1927 гг., показаны особенности выдвинутой им трактовки деятельности ВЧК, включавшей обоснование применения насильственных мер в отношении "классово-чуждых" слоев населения, положенной в основу официальной концепции истории создания и становления советских органов государственной безопасности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/30.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. II. С. 104-108. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).084.3

Целью статьи является рассмотрение взглядов одного из руководящих сотрудников Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР М. Я. Лациса. На основе анализа его работ, опубликованных в 1918-1927 гг., показаны особенности выдвинутой им трактовки деятельности ВЧК, включившей обоснование применения насильственных мер в отношении «классово-чуждых» слоев населения, положенной в основу официальной концепции истории создания и становления советских органов государственной безопасности.

Ключевые слова и фразы: историография; политика «диктатуры пролетариата»; «красный террор»; расстрелы; заложники; концентрационные лагеря.

Александр Леонидович Кубасов, к.ю.н.

Управление ФСБ России по Вологодской области

kubasov86@mail.ru

МАРТЫН ЯНОВИЧ ЛАЦИС КАК ИСТОРИК ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ©

Согласно современным историографическим исследованиям первым историком Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией (ВЧК) являлся ближайший сподвижник Ф. Э. Дзержинского, видный чекист М. Я. Лацис (Я. Ф. Судрабе) [2, с. 28; 3, с. 50]. В этой связи значительный интерес представляет выдвинутая им трактовка деятельности ВЧК, основные положения которой оказали влияние на формирование официальной концепции истории советских органов государственной безопасности.

В годы Гражданской войны М. Я. Лацис активно выступал в прессе с публикациями, разъяснявшими роль ВЧК в реализации курса РКП(б) по претворению в жизнь политики переустройства общества на коммунистических началах.

16 июля 1918 г. председатель Совнаркома В. И. Ленин подписал постановление, согласно которому М. Я. Лацису поручалось организовать «Комиссию по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте», которой подчинялись все чекистские органы в прифронтовой полосе, включившей Астраханскую, Вятскую, Казанскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую, Оренбургскую, Пермскую, Уфимскую и часть Нижегородской губернии.

В ноябре М. Я. Лацис начал издавать еженедельник, посвященный деятельности подчиненных ему чрезвычайных комиссий. В первом номере журнала содержалась подготовленная им статья «Красный террор», разъяснявшая суть карательной политики Советского государства. Председатель региональной ЧК охарактеризовал ситуацию, в которой находилась Советская Россия, как «смертельную схватку пролетариата и международного капитала». По его оценке, первоначально большевики «великодушничали», «искали веских улик против отдельных личностей из буржуазии». Но после того как противник прибег к «белому террору», они вынуждены были объявить «красный террор». «Мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс, – писал М. Я. Лацис. – <...> Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета с оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного Трора» [4, с. 2].

В опубликованном в еженедельнике приказе № 7 М. Я. Лацис дал указание губернским ЧК корректно обращаться с заложниками, щадя их здоровье и жизнь, поскольку это могло повлиять на участь захваченных неприятелем сторонников Советской власти. Расстрел заложников допускался только с личного разрешения М. Я. Лациса в случаях, когда противник допустил подобные действия в отношении арестованных коммунистов [Там же, с. 10].

В журнале приводились списки казненных по постановлениям чрезвычайных комиссий. Из опубликованных документов видно, что расстрелы велись по принципу социальной принадлежности. В числе лиц, подвергнутых высшей мере наказания, значились: «бывший офицер», «чиновник», «статский советник», «член окружного суда», «пристав», «деревенский кулак», «священник» [Там же, с. 20-22]. На освобожденной территории расстрелы по обвинению в причастности к «белогвардейской аванюре» производились за вступление в офицерские формирования, работу в созданных вместо Советов органах самоуправления, доносы на скрывавшихся членов РКП(б) [Там же, с. 12-13].

Представления М. Я. Лациса о подавлении сопротивления противников Советской власти в целом совпадали с установками руководства Коммунистической партии. Тем не менее, ознакомившись с еженедельником, В. И. Ленин прокомментировал размещенные в нем материалы следующим образом: «...вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которые написал в своем казанском журнале “Красный Террор” товарищ Лацис, один из лучших, испытанных коммунистов, который хотел сказать, что красный террор есть насильственное подавление эксплуататоров, пытающихся восстановить их господство, а вместо

того написал на стр. 2 в № 1 своего журнала: «не ищите (!!) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом» [9, с. 410].

В 1919 г., возглавив чекистские органы на Украине, М. Я. Лацис принял активное участие в подготовке еженедельной газеты «Красный меч», издававшейся политическим отделом особого корпуса войск Всеукраинской ЧК. 18 августа он поместил на ее страницах статью «Чрезвычайная комиссия – часовой революции, особый корпус – ее красный меч». В публикации давалось обоснование применения революционного насилия. По этому поводу М. Я. Лацис писал: «В борьбе, ведущейся не на жизнь, а на смерть, не может быть полумер и половинчатости. Чрезвычайные обстоятельства чрезвычайного революционного времени требуют чрезвычайных мер борьбы». Продолжая свою мысль, он утверждал: «Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех». Далее подчеркивалось: «Так, где же рабочий, где крестьянин и красноармеец? <...> Для этой борьбы они создали Чрезвычайную Комиссию и дали ей право расстреливать каждого белогвардейца, каждого контрреволюционера. Пусть не дрогнет ее рука, уничтожая контрреволюционера!» [1, с. 73].

6 февраля 1920 г. газета «Известия ВЦИК» поместила статью М. Я. Лациса «Правда о красном терроре», предназначенную стать ответом на сообщения «буржуазной» прессы, распускавшей, по его словам, «явную ложь и клевету» о «зверствах и кровожадности Ч.К.». В своих рассуждениях он опирался на цифровые данные за 1918-1919 гг., взятые из официальных источников, за исключением отдаленных губерний. Согласно приведенным материалам, за указанный период чекисты задержали 128 010 человек. В последующем почти половина из них, 54 250 человек, была освобождена в связи с неподтверждением вины либо по причине малозначительности совершенных нарушений. Подобная ситуация объяснялась тем, что в период Гражданской войны аресты рассматривались как предупредительная мера в отношении лиц, представлявших опасность для Советской власти.

Реализуя карательную политику Советского государства, чрезвычайные комиссии за два года во внесудебном порядке заключили в тюрьмы 36 526 человек, поместили в концентрационные лагеря 13 895 чел., направили на принудительные общественные работы 13 875 чел. В качестве заложников содержались 9 559 человек. По утверждению М. Я. Лациса, эта мера являлась «откликом на репрессии белых». Заложники рассматривались как «капитал» для «выкупа» либо «обмена» большевиков, попавших в руки противника. Высшей мере наказания подверглись 9 641 человек из числа «сознательных и закоренелых контрреволюционеров» [6, с. 1].

В дальнейшем М. Я. Лацис уточнял цифру казненных. В частности, он обращал внимание на то, что за первую половину 1918 г. органы ВЧК расстреляли только 22 человека. По его утверждению, на первом этапе существования Советской власти большевики, «испытывшие на себе ужас царских застенков», были «весьма мягки к своим врагам», не применяли жестких мер, «ограничивались тюрьмой, порицанием и штрафом», «нередко даже освобождали под честное слово». Переход к «красному террору» он считал вынужденным, объясняя его «широкой волной заговоров» и «необузданным белым террором со стороны контр-революционной буржуазии» [8, с. 9].

Согласно последующим подсчетам М. Я. Лациса, за 1918 г. и семь месяцев 1919 г. в 20-ти губерниях центральной России по решениям чрезвычайных комиссий было расстреляно 8 389 человек [7, с. 74]. По другим приводившимся М. Я. Лацисом данным, за второе полугодие 1918 г. органы ВЧК расстреляли на всей территории России 6 000 человек, за три года – 12 733 чел. [8, с. 9].

Как отмечал М. Я. Лацис, эти сведения, относившиеся к наиболее сложному периоду Гражданской войны, вряд ли могли быть до конца выверенными и полными. Тем не менее в целом они отражали общую картину репрессивной деятельности чекистских органов.

По его убеждению, приведенные цифры не шли ни в какое сравнение с «мартирологом павших от рук белогвардейщины». Сравнивая «красный» и «белый» террор, он отмечал: «В свое время историк скажет свое объективное слово, когда улягутся страсти. И это слово будет не в пользу белых» [6, с. 1].

В 1920 г. вышла в свет брошюра М. Я. Лациса «Два года борьбы на внутреннем фронте». В ней приводилось обоснование закономерности создания органов ВЧК. С точки зрения автора, потребность в чрезвычайных комиссиях заключалась в том, что после Октябрьской революции большевики столкнулись с яростным сопротивлением буржуазии. В силу этого им пришлось образовать специальные органы, предназначенные для борьбы с «классовым врагом», «внутреннюю охрану», «аппарат насилия, принуждения и чистки», чтобы предупредить «возможное наступление контр-революционеров», сохранить «жизнь товарищей и аппарат Советской власти» [7, с. 9].

По оценке М. Я. Лациса, чрезвычайные комиссии боролись как с «явно контр-революционными» деяниями, так и с поступками, совершавшимися без намерения «напрямую вредить» Советскому государству, а «из-за личной выгоды, не считающейся с последствиями». Соответственно лиц, борьбу с которыми вели чекисты, он делил на «контр-революционеров прямых, т.е. таких, которые знают, на что идут и почему идут, и которые не могут не воевать со своим врагом – рабочим и крестьянином», и «контр-революционеров по недомыслию». К первой группе М. Я. Лацис относил офицеров, юнкеров, чиновников, купцов, домовладельцев, кулаков, попов, «отчасти гимназистов и студентов». Ко второй – представителей социалистических партий, идущих «на соглашение с врагом рабочего класса – буржуазией» [Там же, с. 14-15].

Как подчеркивал М. Я. Лацис, огромную опасность для Советской республики, жившей «в осажденном лагере» и отрезанной от внешнего мира, представлял «внутренний враг», который разрушал фабрики, заводы и пути сообщения. «Прямо контр-революционной работой» автор брошюры считал действия спекулянтов,

распродававших на «вольном рынке» хлеб, сахар и одежду, предназначенные для фронта [Там же, с. 65-66]. Термин «кулацкие восстания» он применял для обозначения крестьянских выступлений. «Шкурниками», «кулацкими сыновьями» называл дезертиров, которые «стали организовываться в банды, делать налеты и поднимать мятежи по уездам» [Там же, с. 72].

По оценке М. Я. Лациса, события в России показали, что Гражданская война – это «война не на жизнь, а на смерть, война, в которой пленных не берут и соглашений не устраивают, а противника добивают» [Там же, с. 15]. «Или буржуазия побьет нас, – писал он, – или мы ее побьем. Так поставлен вопрос. Нет никакого другого выхода, нет другого пути, нет соглашения» [Там же, с. 72]. В сложившейся обстановке чекистам приходилось вмешиваться «во все области жизни», в том числе в «продовольствие, транспорт, авиацию, Красную Армию, флот, милицию, школу, в консульства, промышленность, распределение и проч., и проч.» [Там же, с. 10].

В 1921 г. М. Я. Лацис опубликовал книгу «Чрезвычайные комиссии по борьбе с контр-революцией». В предисловии к ней он подчеркнул, что подготовленное им издание ставит целью создать у рабочих масс, советских работников и членов РКП(б) правильное представление об органах ВЧК.

В разделе «Возникновение Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией» М. Я. Лацис выступил с обоснованием закономерности создания ВЧК потребностью выдержать «отчаянный натиск» внутренних противников Республики Советов, «охранить» тыл Красной Армии, обеспечить «спокойную работу по установлению советского образа правления». «Враг должен был почувствовать, – говорилось в книге, – что есть всевидящее око и тяжелая, карающая рука, которая безжалостно опустится на его голову, лишь только он посягнет на Советскую власть» [8, с. 7-8].

По определению М. Я. Лациса, ВЧК – это «боевой орган» Советской власти и Коммунистической партии, «действующий по внутреннему фронту гражданской войны». Он подчеркивал, что рассматривает службу в чекистских органах «необходимой и почетной», а борьбу с «внутренней контр-революцией» – долгом «каждого честного гражданина» [Там же, с. 5-6].

Первым и основным условием, обеспечивающим успех работы чрезвычайных комиссий, М. Я. Лацис считал то, что в чекистских органах должны служить только коммунисты. Вторым условием являлась преданность и надежность сотрудников. В органы ВЧК требовались люди «с выдержанным характером, непреклонной волей, объективным взглядом, установившимися политическими убеждениями и хорошей личной репутацией». В качестве третьего условия называлась периодическая смена работников при сохранении «цельности аппарата» и обеспечении преемственности кадров [Там же, с. 10-11].

Смысл существования органов ВЧК, подчеркивал М. Я. Лацис, состоял в том, чтобы «контр-революцию пресечь, предупредить и уничтожить». В своей публикации он фактически повторил в измененной формулировке утверждение о том, что нет «отдельных контр-революционных личностей», а «контр-революционны целые классы» [Там же, с. 12]. «На деле контр-революционными» М. Я. Лацис называл также партии меньшевиков, правых и левых эсеров, которые выступали за свержение власти большевиков [Там же, с. 15].

Разделы «Приемы борьбы Чрезвычайной Комиссии» и «Репрессивные меры, применяемые Чрезвычайными Комиссиями» М. Я. Лацис посвятил мерам, использовавшимся чекистами для борьбы с противниками большевистского режима. В этих целях применялись расстрел, заключение в концентрационные лагеря, конфискация имущества. Особенность их осуществления заключалась в том, что чрезвычайные комиссии не являлись судебными органами, их деятельность носила «чисто административный характер». По его словам, ВЧК «врага не судит, а разит», «не милует, а испепеляет всякого», кто оказался «с оружием в руках по ту сторону баррикад» [Там же, с. 8].

Наиболее радикальной мерой являлся расстрел. К нему прибегали в случаях подавления заговоров и восстаний. При этом, как отмечал М. Я. Лацис, органы ВЧК применяли высшую меру наказания не в целях физического уничтожения противника, а для оказания «воздействия на контр-революционный элемент» с тем, чтобы «произвести должный эффект, настрашение». По утверждению автора книги, опыт Гражданской войны показал, что первоначально «необходимо проявить крайнюю строгость, неумолимость, прямолинейность», «тогда гораздо меньше падет жертв как с той, так и с другой стороны». С изменением обстановки применение смертной казни «теряло всякий смысл», и приговор зачастую заменялся «другим, менее жестоким» [Там же, с. 9-10].

«...Если можно винить Чрезвычайные Комиссии в чем-нибудь, – писал М. Я. Лацис, – то не в излишней ревности к расстрелам, а в недостаточном применении высшей меры наказания». С его точки зрения, чекисты были в ряде случаев «чересчур мягки, великодушны к побежденному врагу и недооценивали его жизнеспособность и подлость» [Там же, с. 9].

При применении такой меры, как изоляция от общества путем заключения в концентрационные лагеря, с точки зрения М. Я. Лациса, не требовалось искать вещественных доказательств. «Достаточно, – писал он, – если данное лицо принадлежит к контр-революционному классу, занимало в прошлом правительственные посты и проявляло себя деятельным человеком по укреплению старого мира...» [Там же, с. 16].

В 1922 г. М. Я. Лацис, выступавший за периодическую ротацию чекистских кадров, перешел на руководящую работу в хозяйственные органы.

В декабре 1927 г. в журнале «Рабочий суд» вышла его статья «ВЧК на страже завоеваний Октября», в которой давалась оценка деятельности чрезвычайных комиссий. В ней он, в частности, писал: «Сейчас в десятую годовщину органов пролетарской защиты, подводя итоги их работы, мы с гордостью можем заявить, что они верно стояли на своем трудном ответственном посту и с честью справились со своей задачей» [5, с. 1943].

Сравнивая органы ВЧК со спецслужбами западных стран, М. Я. Лацис делал вывод о том, что там, «где есть государственная власть, там есть насилие, там есть борьба господствующего класса с подчиненными классами, и поэтому там необходимо особое орудие защиты своего класса, своей власти». «Нет такого буржуазного государства, – подчеркивал он, – которое не имело бы своего органа политического сыска и расправы с лицами и организациями, угрожающими существующему у них строю».

В отличие от «полицейского аппарата», созданного «в целях порабощения трудящихся», М. Я. Лацис характеризовал ВЧК, а затем ГПУ, как «орудие пролетарской диктатуры», «орган охраны Революции» от «внутреннего врага». При этом он использовал фразы: «Или мы, или они», «На войне, как на войне», «Лес рубят – щепки летят».

Давая оценку методам работы чекистских органов в период Гражданской войны, М. Я. Лацис признавал, что чрезвычайные комиссии прибегали к «физическому уничтожению противника». Но подобные меры, по его словам, носили вынужденный характер. Вступая в полемику с зарубежной прессой, сообщавшей о жестокостях чекистов, М. Я. Лацис заявлял: «Сплошным лицемерием являются все вопли буржуазных писаков ужасах Чрезвычайки» [Там же, с. 1940]. По его утверждению, «...за время своей деятельности ВЧК предала высшей мере наказания гораздо меньше людей, чем парижские буржуа в течение нескольких дней при расправе с парижскими коммунарами» [Там же, с. 1941]. По словам М. Я. Лациса, «пролетариат был чужд мести и не практиковал ни пыток, ни глумлений» [Там же, с. 1943].

Подчеркивая сложность обстановки, в которой продолжала находиться Советская республика, автор статьи отмечал: «...мы не скрываем ни от кого, что первая попытка контрреволюционеров поднять снова голову встретит прежний прием со стороны пролетариата, и тяжелая карающая рука... безжалостно опустится на голову посягателей на советскую крепость» [Там же, с. 1941].

Таким образом, в публикациях М. Я. Лациса содержалась трактовка деятельности ВЧК, построенная на терминологии большевистского руководства, включавшей такие выражения, как: «внутренняя контрреволюция»; «контр-революционные классы»; «контр-революционная буржуазия»; «контр-революционные элементы»; «внутренний враг»; «классовый враг»; «враг рабочего класса»; «белогвардейская авантюра»; «кулацкие восстания»; «противосоветские партии» и др.

Основными положениями работ М. Я. Лациса, активно отстаивавшимися в дальнейшем советской исторической наукой, являлись:

- обоснование исторической закономерности образования ВЧК необходимостью подавления сопротивления «свергнутых эксплуататорских классов»;
- подчеркивание в качестве основного условия успешной деятельности чрезвычайных комиссий такого фактора, как руководство со стороны Коммунистической партии;
- объяснение применения чекистскими органами насилия против «классовых врагов» обстоятельствами революционного времени; выдвижение версии о вынужденном характере «красного террора», обусловленного заговорами и «необузданным» террором со стороны буржуазии;
- оправдание задержания и заключения в тюрьмы и концентрационные лагеря заложников из числа представителей «враждебных классов» необходимостью предупреждения террористических актов против большевистского руководства и спасения коммунистов, попавших в руки противника;
- использование в качестве аргументов для обоснования необходимости карательной политики в отношении противников Советской власти ссылок на такие «исторические уроки», как расправа в 1971 г. французской буржуазии с парижскими коммунарами, а также применение при подавлении революции 1918 г. в Финляндии «белого террора», включавшего расстрелы и заключение в концлагеря красных финнов;
- попытки сравнения «красного» и «белого» террора, на основе которых делался вывод о том, что репрессии белых были более жестокими и массовыми, чем репрессии красных.

Список литературы

1. **ВЧК-ГПУ:** документы и материалы / ред. и сост. Ю. Г. Фельштинский. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. 272 с.
2. **Галеева Л. И.** Изучение истории ВЧК в 1920-е годы // Леонид Михайлович Спирин: памяти историка, друга, коллеги. Казань, 2007. С. 27-30.
3. **Голдин В. И.** Советские спецслужбы: эпоха становления // Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999. С. 49-57.
4. **Красный террор:** еженедельник чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте. Казань, 1918. № 1. С. 1-22.
5. **Лацис М. Я.** ВЧК на страже завоеваний Октября // Рабочий суд. 1927. № 24 (136). С. 1939-1943.
6. **Лацис М. Я.** Правда о красном терроре // Известия ВЦИК. 1920. 6 февраля.
7. **Лацис (Судрабс) М. Я.** Два года борьбы на внутреннем фронте: популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М.: Государственное издательство, 1920. 81 с.
8. **Лацис (Судрабс) М. Я.** Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М.: Государственное издательство, 1921. 62 с.
9. **Ленин В. И.** Маленькая картинка для выяснения больших вопросов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1974. Т. 37. С. 407-411.

MARTYN YANOVICH LATSIS AS THE HISTORIAN OF ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION FOR COMBATING COUNTER-REVOLUTION

Aleksandr Leonidovich Kubasov, Ph. D. in Law

*Administration of Federal Security Service of the Russian Federation in Vologda Region
kubasov86@mail.ru*

The author considers the views of one of the senior staff members of All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage of the Council of People's Commissars of the RSFSR M. Ya. Latsis; and, basing on the analysis of his works published in 1918-1927, shows the features of All-Russian Extraordinary Commission activity interpretation, proposed by M. Ya. Latsis, which included the substantiation of violent measures implementation against "class-alien" population strata, and which was the basis of official history conception of the soviet state security bodies' creation and development.

Key words and phrases: historiography; "proletarian dictatorship" policy; "Red Terror"; shootings; hostages; concentration camps.

УДК 930:27-9

Статья посвящена изучению трудов выдающегося церковного историка Александра Васильевича Горского (1812-1875) – «Исторического описания Свято-Троицкой Сергиевой лавры», «Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки», «Истории евангельской и церкви апостольской». Выявлены особенности церковно-исторических сочинений, их связь со светской исторической наукой и общественной мыслью, методы работы А. В. Горского с историческим материалом.

Ключевые слова и фразы: церковная историческая наука; историография; А. В. Горский; Московская духовная академия.

Кристина Александровна Кузоро, к.и.н.

*Кафедра библиотечно-информационной деятельности
Институт искусств и культуры
Томский государственный университет
clio-2002@mail.ru*

ТРУДЫ А. В. ГОРСКОГО: К ОПЫТУ ОСМЫСЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ СЕРЕДИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ©

В XIX столетии неуклонно повышался общественный и социальный статус исторической науки. Тема истории заняла ведущее место в литературе, живописи, музыке, что привело к невиданной ранее популяризации исторических знаний. Не ослабевало внимание к осмыслению исторического опыта России, прогнозированию возможных путей ее дальнейшего развития.

С середины 1830-х гг. научная и общественная мысль России обратилась к философии Г. Гегеля, представлявшей историю как процесс, непрерывное движение от несовершенства к совершенству, самораскрытие в конкретной истории народов некоего абсолютного духа. В связи с этим укреплялась идея, что историк должен писать не историю самодержавия, а изучать историю народов, изучать создание и развитие государственного, правового и социального строя.

Во второй половине XIX в. произошел мощный подъем исторической науки в России. Эпоха великих реформ принесла с собой и новый университетский устав, и новый устав духовных академий. Более доступными стали архивы; оживилась работа археографических комиссий; появляются новые периодические издания, сосредоточенные на исторической тематике. В исторической науке углублялась специализация и дифференциация.

Все более осознавалась недостаточность старого, описательного подхода к истории для решения общественно-политических задач современности. Под воздействием позитивизма в российской исторической науке середины XIX в. постепенно находили место убежденность в научности истории и стремление представить историческое знание как объективное и достоверное. Все очевиднее становилось стремление осмыслить исторический процесс в его сложности и многоплановости, выявить своеобразие русской истории. Произшедшие в светской исторической науке интеллектуальные подвижки в той или иной мере находили свое отражение в церковной истории.

Попробуем проследить их, обратившись к научному наследию церковного историка, ректора Московской духовной академии *Александра Васильевича Горского (1812-1875)*.

Несмотря на то, что первое систематическое учебное пособие по церковной истории было написано еще митрополитом Платоном (Левшиным) в 1805 г., а с 1806 г. история Русской православной церкви была включена в число преподаваемых в Московской академии дисциплин, востребованным предметом она стала